

Церемония в честь наложницы Юнь, посмертно наречённой императрицей Дэцзин, подошла к концу. Как только отзвучали последние ритуальные песнопения, император Чунчжао вызвал к себе Сюй Цзяньнянь — главу Управления императорского стола и двоюродного деда Цюй Дубяня.

Сюй Цзяньнянь уже прослышал о скандале с ритуальной трапезой Седьмого принца. Едва переступив порог, он рухнул на колени:

— Ваше Величество! Мой надзор за подчинёнными был недостаточно строг. Прошу, Ваше Величество, накажите меня!

— Ты хочешь сказать, — невозмутимо начал император Чунчжао, — что ничего об этом не знал и во всём виноваты твои люди?

— Ваше Величество мудро!

Император усмехнулся:

— Вот только я никак не возьму в толк: кто в целом свете, кроме членов семьи Сюй, умеет готовить Солёную похлёбку из пшеницы?

Сюй Цзяньнянь замер, не в силах вымолвить ни слова.

«Что? Солёная похлёбка из пшеницы?!»

Он ведь лишь велел своим людям положить побольше дорогих ингредиентов в чашу Седьмого принца. Собираясь к государю, чиновник даже не слишком беспокоился: в конце концов, семья Сюй — родственники принца. Ну, проявили немного личного участия, ну, слегка нарушили регламент — неужели император станет из-за этого негодовать?

Он поспешно попытался оправдаться:

— Ваше Величество, я... я действительно был не в курсе!

Император Чунчжао вскинул бровь и медленно кивнул:

— Ныне старая госпожа Хоу ведёт затворническую жизнь и редко покидает поместье, так что из всей вашей семьи только ты всё ещё служишь при дворе. Раз это не ты, значит, твой сын, что работает под твоим началом? Других вариантов нет. Халатность, приведшая к огрехам в

ритуальной трапезе принца... Какого наказания это заслуживает?

— Ваше Величество! — вскрикнул Сюй Цзяньянь.

Он поднял голову и, встретившись с непроницаемым взглядом государя, почувствовал, как сердце ушло в пятки. Заготовленные оправдания застряли в горле.

— Ваше Величество, мой сын тут ни при чём. Это я... я стосковался по вкусу той похлёбки и велел приготовить чашу. Должно быть, слуги в спешке всё перепутали.

Оправдание звучало донельзя нелепо.

Но император Чунчжао не стал допытываться. Он лишь холодно произнёс:

— Ты подал моему сыну фамильное блюдо семьи Сюй в день памяти Сюй Юэцин. Уж не хочешь ли ты сказать, что, даже будучи принцем крови, он прежде всего — отпрыск твоего рода?

Сюй Цзяньянь почувствовал, как конечности леденеют от ужаса.

— Ваше Величество! Старый слуга никогда бы не посмел даже подумать о подобном!

Император присел рядом с ним и ободряюще похлопал по плечу:

— Не нервничай так, я лишь пошутил. Я по-прежнему доверяю тебе. А когда Сяо Ци подрастёт, ему так или иначе придётся с вами общаться.

Сюй Цзяньянь не смел поднять глаз:

— У меня нет иных помыслов, кроме верной службы.

— Ну и хорошо. Вставай. Ошибка всё же была совершена, и завтра Министерство ритуалов и Цензурат завалят меня докладами с требованиями наказать тебя. Я не могу сделать вид, что ничего не произошло. Твой штраф — жалованье за полгода. Возражения есть?

— Благодарю Ваше Величество за великую милость! — выдохнул чиновник.

Лишь после этого он смог покинуть Западный тёплый павильон.

Поместье Маркиза, Держащего Меч.

Старая госпожа Хоу сожгла крошечную записку, не в силах сдержать довольной улыбки.

— Надо же, Тинфэн умудрился подменить блюдо на Солёная похлёбка из пшеницы.

— Но разве это не такое же нарушение ритуального регламента? — не поняла мама Фан.

— В этом и кроется вся хитрость, — пояснила старая госпожа Хоу. — Если бы подали то, что приготовил Сюй Цзяньян, ритуал был бы омрачён излишней роскошью. Мой внук ещё мал, но в глазах придворных его образ неизбежно бы пострадал.

Она сделала паузу, любуясь игрой пламени в жаровне.

— Замена на Солёная похлёбка из пшеницы даёт сразу два преимущества. Во-первых, её вид традиционно ужасен. Она кажется чем-то гораздо более простым, чем положено по чину, так что внешние чиновники не станут роптать на принца — они направят весь свой гнев на промашку Управления императорского стола. Во-вторых, обычное блюдо не рассердило бы императора, а вот Солёную похлёбку из пшеницы — другое дело. Это хороший урок для Сюй Цзяньяня: пусть знают своё место и не донимают моего внука.

— Но почему Солёная похлёбка из пшеницы должна была рассердить государя? — всё ещё недоумевала мама Фан.

— Эта похлёбка символизирует благословение старших рода Сюй своим детям. Сейчас император решает, кто станет приёмной матерью Седьмого принца. И Сюй Цзяньян в такой момент подносит это блюдо... Это прямой намёк императору: принц должен помнить о своих корнях и родне. Если смотреть глубже — это выражение недовольства тем, что император отдаёт принца на воспитание в другие руки.

Старая госпожа усмехнулась:

— Было бы странно, если бы государь его не наказал. К тому же, пока наше поместье не принимает наследников из второй ветви для усыновления, их корыстные помыслы не запятнают ни поместье, ни третий дом.

Мама Фан лишь покачала головой, поражаясь тому, сколько интриг может скрываться за одной чашей похлёбки.

«Сюй Тинфэн-шаое хорошо сработал».

После церемонии жизнь Цюй Дубяня на время вошла в спокойную колею. К визитам многочисленных наложниц, которые приходили во дворец Цзычэнь под предлогом заботы об императоре, а на деле — чтобы взглянуть на него, мальчик относился с крайней осторожностью.

Он был человеком практичным. Стоит лишь раз улыбнуться какой-нибудь предприимчивой даме, и «папочка» Чунчжао может запросто отдать его ей на воспитание. В этом мире сыновняя почтительность — закон, и, выбрав приёмную мать, он навеки свяжет себя не только с ней, но и со всем её кланом. Такими вещами не шутят.

Как-то раз он решил прощупать почву. Дубянь налил отцу чаю и как бы невзначай поинтересовался, кто же станет его новой матерью.

Император Чунчжао ответил в своём излюбленном властном стиле:

— Скажи, кто тебе нравится, и я рассмотрю кандидатуру. Если она не подойдёт — выберем другую. И ещё...

Он небрежно отодвинул чашку щелчком пальцев.

— Я не пью горячий чай.

Поведение и ответы в стиле властного босса — истинный «стронг»-отец.

«Ты можешь выбирать, но у твоего папаши есть право вето».

Дубяню оставалось лишь внимательно следить, к кому из наложниц император проявляет благосклонность. Сам он не прочь был бы попасть к наложнице Сюань, но одного его желания мало — нужно, чтобы и сама наложница Сюань была к этому готова. В таком деле чувства должны быть взаимными.

На следующий день, когда Дубянь заканчивал свой привычный комплекс тайцзицюань, в сознании раздался голос.

[Отметка за 15 дней пройдена. Получение награды...]

[Награда получена.]

[Роман в жанре уся x1 (Приложение: Техника развития внутренней энергии главного героя, часть первая) помещён в инвентарь.]

«О?»

«Наконец-то духовная пища!»

Роман в жанре уся — по сути, электронная книга прямо в мозгу. Он поспешно вытер пот со лба полотенцем, которое подал Е Сяюань, и углубился в чтение. Роман насчитывал около ста пятидесяти тысяч иероглифов, а бонусное руководство под названием «Искусство Продления Жизни, часть первая» — всего около шестисот иероглифов.

«Это настоящее руководство? Я правда смогу по нему учиться?»

[Данная техника идеально подходит для телосложения носителя.] — бесстрастно отозвался Симулятор.

Когда Дубянь бегло просмотрел текст, перед глазами всплыло окно: «Список доступной литературы: 1/0. Желаете приобрести новую книгу?» Перейдя по ссылке, он увидел библиотеку самых разных жанров, а также вторую часть «Искусства Продления Жизни».

Цена: три года жизни.

«...»

«Да это же грабёж среди бела дня!»

Чёрт с ними, с романами, но вторая часть техники...

Этот проклятый Симулятор просто увидел, что у него накопился запас жизни за тридцать с лишним дней, и решил во что бы то ни стало вытянуть из него «валюту».

И надо признать... он попал в точку.

«Это же несправедливо! — возмутился Дубянь в мыслях. — Слишком дорого, ты заломил цену специально!»

[Все приобретённые книги переходят в полную собственность носителя. Вы вольны распоряжаться ими по своему усмотрению.]

Ага, значит, он может переписать их и продать. Вот только сейчас у него нет каналов сбыта, да и за всё золото мира не купишь даже лишнюю минуту жизни.

Сколько Дубянь ни пытался торговаться или хитрить, Симулятор хранил гордое молчание.

«А если без романов? Есть техники подешевле?»

[В великом множестве миров судьбы живых существ сами по себе становятся историями в книгах. Дешёвые техники существуют, но эта — наилучшая для вас. То, что вы вытянули первую часть в лотерее — великая удача. Полный комплект стоит десять лет жизни.]

Дубянь замолчал. Ну что тут скажешь? Он сейчас просто нищий.

«В великом множестве миров... возможно, и моя жизнь для кого-то — всего лишь сюжет в книге».

Шестьсот иероглифов первой части были полны специфических терминов, в которых он пока ничего не смыслил. Решив отложить практику на потом, Дубянь вознамерился вечером почитать уся.

Он торжественно поклялся себе: только десять тысяч знаков перед сном, и ни строчкой больше. А если сорвётся — в наказание съест на следующее утро лишнюю чашу риса.

Закончив с завтраком, Дубянь прополоскал рот чаем и внезапно вспомнил вчерашнее отцовское «я не пью горячий чай». Зубы заныли от желания поквитаться.

— Евнух Бао, где хранятся запасы чая Его Величества?

— Ваше Высочество желает выпить чаю? — удивился тот.

— Хочу выбрать сам.

Император Чунчжао разрешил сыну во дворце Цзычэнь делать что угодно, лишь бы тот не поджигал дворец и не бесчинствовал. Евнух Бао принёс целую коллекцию императорских чайных блинов. Красный, белый, зелёный — здесь было всё, и каждый сорт, хранимый императором, был драгоценен.

— Какой прикажете заварить?

Дубянь по-хозяйски махнул рукой:

— Бери всё!

Евнух Бао едва не лишился чувств.

Вэнь Сяочунь тут же подхватил подносы с чаем.

— Идём на Большую кухню, — скомандовал Дубянь. — Буду готовить кое-что особенное.

Окрылённый идеей, он во главе своей маленькой свиты устремился на Большую кухню. После смены руководства там боялись Дубяня как огня, поэтому, едва услышав, что принц желает лично распорядиться готовкой, ему тут же выделили отдельную плиту.

Дубянь взобрался на табурет и начал раздавать указания: разжечь огонь, подготовить бамбуковые трубки и соломинки для питья, накатать шариков из маниоки, растереть в пасту плоды зизифуса и таро с сахаром и капелькой масла.

Паста из таро — та самая, что была в прошлой жизни — было далековато, но эрзац получался вполне сносный.

Когда вода в котле закипела, Дубянь безжалостно отломил четверть драгоценного чайного блина и бросил в кипяток. Евнух Бао схватился за сердце: контраст между тем, как бережно император отщипывал крохотные кусочки заварки, и этим варварством был слишком велик.

Вслед за заваркой в котёл отправилось молоко. Вскоре по всей кухне разлился специфический аромат чая с молоком. Дубянь добавил немного сахара и, когда всё было готово, велел зачерпнуть ложку на пробу.

Результат превзошёл ожидания! Качество императорского чая в сочетании с молоком дало потрясающий вкус. В зимнюю стужу чашка горячего и сладкого напитка казалась истинным блаженством.

Он велел процедить настой и разлить его по бамбуковым трубкам, на дно которых уже были положены жемчужины из маниоки и паста из таро. В некоторые трубки добавили растёртый зизифус, отчего чай приобрёл нежный аромат.

Когда трубки были заполнены, остатки разлили по мискам.

— Угощайтесь все!

Дубянь щедро разделил напиток между всеми слугами дворца Цзычэнь, что пришли с ним. Вскоре на кухне зазвучало дружное прихлёбывание — мало кто мог устоять перед ароматным, сладким и согревающим питьём.

— Вкусно! — искренне восхитился управляющий кухней. — Как Ваше Высочество додумалось до такого диковинного рецепта?

— Во сне увидел, — небрежно бросил Дубянь.

Управляющий, сияя от подобострастия, поинтересовался:

— Могу ли я приготовить ещё из кухонных запасов чая и подать это к столу высокородных господ как новое блюдо?

— В ближайшие три дня — нет, — отрезал мальчик.

— Разумеется, разумеется! Как Ваше Высочество скажет.

Главное, что блюдо со временем попадёт в меню. Управляющий довольно улыбнулся.

— Ваше Высочество подготовили эти бамбуковые трубки, чтобы отправить их кому-то в подарок?

— Именно.

Дубянь начал распределять порции:

— Вот эти — императрице и наложнице Сюань. Эти отправьте в школу моим братьям, и Великому наставнику Фану передайте одну. Одну оставьте мне, а остальное раздайте тем, кто заботится обо мне во дворце Цзычэнь.

Он заглянул в котёл.

— Отработанную заварку можно использовать ещё раз. Если кто-то захочет добавки — сварите ещё партию.

Слуги на Большой кухне, которым в первый раз не досталось, радостно зашумели:

— Благодарим Седьмого принца!

Дубянь распределил всё до последней капли. Он даже тайком приберёт порцию для И Шиэр, решив оставить её в укромном месте и посмотреть, заберёт ли тот угощение.

В последнее время И Шиэр вёл себя странно: то он был совсем рядом, то исчезал так далеко, что Дубянь переставал его чувствовать. И так каждый день, словно человек на службу ходит и отмечает время прихода и ухода.

Это было нелогично: Дубянь и так жил под крылом у отца во дворце Цзычэнь, зачем императору посылать тайного стража, чтобы шпионить за сыном прямо у себя под носом?

Евнух Бао, тронутый тем, что принц не забыл о нём, всё же не выдержал и шепнул:

— Ваше Высочество, вы ведь... кажется, забыли кое-кого?

— Кого же? — Дубянь непонимающе моргнул.

Евнух Бао даже притопнул от волнения:

— Государя! Ваше Величество!

Как можно было приготовить такую диковинку и не дать попробовать императору?

— А-а-а... — протянул Дубянь, и на его лице отразилось внезапное озарение. — Он же не пьёт горячий чай.

<http://bllate.org/book/16117/1588627>